

Три дня пролетели, словно жеребец проскакал мимо щели в заборе.

Шэн Шэчуань по-прежнему не приходил.

Ли Юаньцзинь, поначалу с головой ушедший в изучение боевых искусств и вышивание, теперь совершенно забросил эти занятия.

Утром Ли Яньцин снова принес вчерашнюю холодную кашу, и в этот раз даже не было солений.

— Прошло уже десять дней. Глава секты... он все еще у госпожи?

Ли Юаньцзинь смотрел на миску с белой кашей, погруженный в свои мысли.

— Да, все еще там.

— Может, он больше никогда не придет?

Ли Юаньцзинь молча глядел на полуприкрытое окно, в сердце его поселилась легкая печаль.

— Не думаю... В тот день, когда глава уходил, он столько всего тебе наговорил, даже книгу с секретами боевых искусств оставил. Похоже, ты ему вовсе не безразличен, — Ли Яньцин сам не был в этом уверен, но пытался хоть как-то утешить юношу. — К тому же, я пробирался на переднюю гору разузнать, что к чему. Цюаньюй-цзюнь до сих пор не уехал, глава все время занят приемом гостя. Говорят, они собираются вместе посетить могилу Цюань Юань-цзюня. Так что, думаю, это затянется еще на какое-то время.

— Вот оно что...

В глазах Ли Юаньцзиня читалась такая глубокая печаль, что даже Ли Яньцин не смог остаться равнодушным.

Он жалел Ли Юаньцзиня: совсем еще ребенок, никого у него нет, да к тому же увечный. Говоря прямо, вся его жизнь здесь зависела лишь от милости Шэн Шэчуаня. Поэтому Ли Яньцин всегда старался приободрить его, когда тот начинал спрашивать о чем-то подобном, и переводил тему.

— Ладно, ладно, нечего тебе сейчас об этом думать. Пока Цюаньюй-цзюнь здесь, глава не может распоряжаться своим временем как хочет. О! Точно! Ты же говорил, что хотел вышить для главы темляк в благодарность за книгу? Ты ведь еще не начинал? Давай сейчас займемся, я помогу.

Ли Яньцин уже потянулся за корзиной с рукоделием, но не успел до нее дотронуться, как за дверью послышались шаги.

— А-Юань, давно не виделись.

Знакомый голос, подобный змеиному шипению, вонзился в уши Ли Юаньцзиня, заставив его содрогнуться от ужаса.

Ли Яньцин с любопытством обернулся к дверям и увидел красивую, с мягкой улыбкой «молодую» женщину, окруженную служанками из секты Цинчэн.

— Госпожа...

Лишь когда Ли Юаньцзинь дрожащим голосом произнес это слово, Ли Яньцин осознал, кто перед ним.

Пришедшей была мать Ду Ую, супруга главы секты Цинчэн — Линху Сянь.

Хотя ей было уже под сорок, благодаря тщательному уходу она выглядела скорее как старшая сестра Ду Ую, нежели как ее мать.

— Я не вовремя? Вы завтракаете?

Линху Сянь вошла в комнату с полуулыбкой, и с каждым ее шагом вперед Ли Юаньцзинь невольно отступал назад.

Пусть они общались недолго, он успел сполна ощутить на себе ее нрав.

Когда они с Ду Ую пришли в Шэньлоу покупать его, он лишь осмелился спросить, можно ли ему не делить с ними постель, за что был брошен в ледяную воду в разгар зимы. Он задышался, конечности его онемели, и он был на волосок от смерти.

— Пойдите! Вам нельзя входить! Глава приказал: без его ведома господин Юань не должен ни с кем видеться!

Видя, как Ли Юаньцзинь дрожит, Ли Яньцин поспешно заслонил его собой, преграждая путь Линху Сянь.

Та, заметив действия слуги, слегка удивилась, а затем насмешливо бросила Ли Юаньцзиню:

— А-Юань, неплохо ты здесь устроился. Глава Шэн приставил к тебе верную собаку, чтобы

охранять вход.

— Грубиянка! — Ли Яньцин нахмурился, его правая рука легла на рукоять кинжала, он с гневом смотрел на Линху Сянь.

Ли Юаньцзинь, видя, что Ли Яньцин готов на отчаянный шаг, дернул его за рукав и прошептал:

— Госпожа, Яньцин — мой друг, прошу, не говорите так о нем. Яньцин, прости, я приношу извинения за нее... Пожалуйста, выйди...

— Что? — Ли Яньцин недоверчиво посмотрел на него. — Мне уйти? Оставить тебя с ней наедине? Ты справишься?

— Да... справлюсь. Не волнуйся. Она... она моя тетушка, она не причинит мне вреда, — тихо ответил Ли Юаньцзинь. — К тому же я немного освоил боевые искусства, не дам себя в обиду.

— Тогда я буду за дверью. Если что случится — сразу зови! Это владения секты Сунъюэ, хоть тебя и прячут в глубине дома, ты человек главы. Никому не позволено тебя обижать, если она посмеет, я все расскажу главе секты!

Ли Яньцин намеренно бросил на Линху Сянь свирепый взгляд, пытаясь запугать ее, но та лишь слегка улыбнулась, явно не приняв угрозу всерьез.

Как только Ли Яньцин вышел, дверь плотно закрыли, а двое сильных служанок встали на страже, не подпуская его близко.

В комнате остались только Ли Юаньцзинь и Линху Сянь со своей свитой. Юноша стоял, низко опустив голову, а Линху Сянь, усевшись на кушетку, с любопытством разглядывала его новую одежду.

— Глава Шэн очень тебя балует, верно? Смотрю, даже одежду новую справил, да и выглядишь ты куда лучше прежнего.

— Раб... раб сам сшил эту одежду, ткань дал Яньцин, глава не дарил ее...

Не успел он договорить, как Линху Сянь бросила взгляд на одну из служанок. Та, поняв все без слов, подошла к Ли Юаньцзиню и с размаху ударила его по лицу:

— Наглец! Провел в постели всего несколько ночей и возомнил себя хозяином? Смеешь стоять, разговаривая с госпожой?

Ли Юаньцзинь в испуге опустился на колени, не смея издать ни звука. Его густые черные волосы рассыпались по плечам, послушные, как и его смиренный нрав.

— Ц-ц, что ты делаешь? Юаньцзинь теперь мой племянник, кузен Ую и возлюбленный наложник главы Шэна. Ну сменил одежду, и что с того?

— Хм! Госпожа слишком высокого о нем мнения! На людях он наш дальний родственник и наложник главы, но все в секте Цинчэн знают, что он лишь дешевый раб, купленный в Шэньлоу. Шэньлоу — самое грязное место в поднебесной, какая уважаемая секта возьмет в наложники отребье из такого места? Это только глава Шэн не знает, вот и носится с ним, как с сокровищем.

Линху Сянь холодно выслушала эти слова, затем перевела взгляд на волосы Ли Юаньцзиня, особенно на белоснежную нефритовую шпильку.

Перед тем как отправить его сюда, она сама выбрала эту шпильку из своей шкатулки, считая ее слишком простой. Она и подумать не могла, что на Ли Юаньцзине она будет смотреться так изящно и привлекательно.

— Чего стоишь так далеко? Ползи сюда.

Ли Юаньцзинь покорно подполз к ней.

Едва он приблизился, Линху Сянь внезапно встала, вырвала из его волос шпильку и с силой бросила на пол. Она разлетелась на четыре части.

Ли Юаньцзинь в ужасе взглянул на разгневанную женщину. Линху Сянь наступила ему на руку, и острые осколки нефрита глубоко вонзились в ладонь. Он чувствовал боль, но больше всего боялся за свои пальцы — если они повредятся, он не сможет ни заниматься боевыми искусствами, ни вышивать.

— Госпожа... прошу, смилуйтесь! Госпожа...

— Хм, ничтожество! Ты всего лишь раб, купленный нашей сектой Цинчэн. Когда мы тебя покупали, я ясно сказала: я выкупаю тебя, а ты должен сделать все, чтобы Шэн Шэчуань не делил постель с Ую. Но Шэн уже десять дней проводит у нее, Ую измучилась, а ты тут сидишь и вышиваешь? Еще и одежду шьешь? Как тебе вольготно! Не пойму, кто из вас госпожа!

— Госпожа... я не... глава не приходит ко мне из-за Цюаньюй-цзюня...

Линху Сянь отпустила его руку и закричала:

— Кто ты такой, чтобы ждать, когда глава к тебе придет? Думаешь, ты настолько привлекателен? Мужчины должны вокруг тебя крутиться? Смехотворно!

Ли Юаньцзинь не смел возразить и лишь низко опустил голову.

Линху Сянь продолжала изливать гнев, но, видя, что Ли Юаньцзинь покорно сносит все оскорбления, почувствовала, словно бьет по вате, и это ее еще больше раздражало.

С отвращением она посмотрела на него:

— Раз уж ты не умеешь ублажать мужчину, к чему вырядился так броско? Для кого стараешься? А ну, живо сними это!

Сердце Ли Юаньцзиня екнуло. Он смущенно огляделся — в нем все еще теплилось чувство стыда, он не хотел раздеваться при всех.

Но Линху Сянь приняла это за безмолвное неповиновение.

— Чего стоите? Сорвите с него одежду! Нарядился, как павлин, смотреть противно!

— Слушаемся!

Служанки набросились на него. Они владели боевыми искусствами, поэтому их движения были грубыми — они не столько снимали одежду, сколько рвали ее вместе с кожей и волосами.

— Пойдите! Осторожнее с его руками!

В процессе борьбы они обнаружили, что в рукавах Ли Юаньцзиня спрятаны вышивальные иглы.

Скрытое в хлопке жало — таков был принцип техники Иньхао Цяньцю секты Сунъюэ. Опытные служанки сразу узнали оружие и поднесли его Линху Сянь.

— Хорошо... прекрасно! Шэн Шэчуань и правда о тебе заботится, раз даже обучил тебя мастерству секты Сунъюэ. Зачем прятал их в рукавах? Хотел совершить покушение?

Одежда Ли Юаньцзиня превратилась в лохмотья. Он торопливо прикрыл тело и в панике заговорил:

— Госпожа... прошу! Глава просто обучил меня для самообороны, я не хотел причинить вам вред! Вы спасли меня из Шэньлоу, я никогда не забуду этой милости! Я буду соблюдать наш

уговор, буду хорошо служить главе, чтобы он не отвлекался на госпожу Ую!

— О? Значит, ты помнишь, что я тебя спасла, и хочешь отплатить добром? А я уж подумала, что ты, обедаясь обедами, забыл об этом.

Сказав это, Линху Сянь одну за другой глубоко вонзила серебряные иглы в его плечи. Ли Юаньцзинь хотел вырваться, но служанки прижали его к полу.

— Не смей кричать, терпи! Если хоть пискнешь или расскажешь об этом Шэн Шэчуаню, я разнесу весть о том, как ты соблазнил наследника острова Сюаньюань, Люй Цзунжуна! Думаешь, я не знаю твоих тайн? Ты попал в Шэньлоу именно потому, что, будучи рабом, нагло соблазнил наследника острова Сюаньюань, за что глава острова и его жена продали тебя в рабство.

— Люй Цзунжун молод и полон перспектив. Ты ведь не хочешь, чтобы из-за связи с тобой он опозорился на всю поднебесную?

— Жун-гэ... — стон боли застрял в горле Ли Юаньцзиня. Имя Люй Цзунжуна, словно железные клещи, сдавило его дыхание, слезы хлынули из глаз.

Тот юноша, что когда-то обещал взять его в жены, стал самым острым ножом.

Даже просто слышать его имя было невыносимо, но еще страшнее было причинить ему хоть какой-то вред.

— Нет... не надо... я буду слушаться, мне не больно... я ничего не скажу, только умоляю, госпожа, не трогайте... не трогайте Жун-гэ.

— Хм! Какая же ты подстилка. Он тебя бросил, а ты все о нем печешься.

Линху Сянь с усмешкой смотрела на раздавленного Ли Юаньцзиня, вонзая последнюю иглу.

— Даю тебе один день. Сделай так, чтобы Шэн Шэчуань вернулся к тебе и больше не ходил к Ую. Если не справишься...

— Я смогу... я сделаю это. Сегодня вечером он вернется, я обязательно добьюсь этого...

Линху Сянь кивнула служанкам, чтобы те отпустили его. Ли Юаньцзинь сидел на полу, потерянный и разбитый, словно пес, которого только что вдоволь помучили.

— Лучше держи слово. Раз сказала сегодня — я буду ждать. Если не исполнишь, не вини меня

в жестокости.

— Да! И еще кое-что напоследок. Надеюсь, это будет полезно.

Ли Юаньцзинь со слезами на глазах посмотрел на нее, не понимая, к чему она клонит.

— Это свежие новости из мира боевых искусств, ты, наверное, еще не слышал.

— Наследник острова Сюаньюань, Люй Цзунжун, женится на старшей дочери секты Меча Улян, Се Ланьжо. Свадьба назначена на следующий месяц. А помолвка состоялась полгода назад — как раз тогда, когда родители Люй Цзунжуна продали тебя в Шэньлоу.

— Жаль, что ты так его любил, а он, не моргнув глазом, решил жениться на другой. Жалкое зрелище.

В голосе Линху Сянь сквозила насмешка:

— Впрочем, не стоит винить остров Сюаньюань. Ты сам виноват — беден, без роду и племени. Семья Люй мечтает, чтобы сын стал великим героем, как Шэн Шэчуань, им нужна жена равного происхождения. Разве могли они выбрать тебя?

— Вместо того чтобы грезить о Люй Цзунжуне, лучше смирись и оставайся наложницей в секте Суньюэ. Шэн Шэчуань — человек жалостливый. Пока ты будешь хорошо ему служить, даже когда постареешь и красота увянет, он не выгонит тебя на улицу, будешь сыта.

<http://bllate.org/book/22248/2326801>